

«Молодая гвардия». А. Фелера, Шульга (А. Ханов) и Волыко (Л. Свердлов). Постановка Московского театра драмы. Фото А. Горшштейна.

и получился удивительно безликий, условный персонаж, который всех «поправляет» и «поучает», но, тем не менее, не вызывает симпатий. Понятно, что зрители не могут увлечься таким человеком, чье спокойствие и уравновешенность слишком напоминают равнодушие. Но одного только актера, исполняющего эту роль, винить все же нельзя. Актерский образ в какой-то мере напоминает здание: под ним должен быть фундамент. Если фундамента нет, вся постройка шатается и вот-вот рухнет — стоит ли в таком случае рассуждать об архитектурных деталях?

Когда я играл роль Карпенко — парторга ЦК на большом заводе в спектакле «Директор» С. Алешина, мне очень помогало то, что, по замыслу драматурга, этот внешне сдержанный и суровый

человек был очень отзывчивым и скромным. Согласно тексту пьесы, Карпенко тоже приходится несколько раз «поправлять» директора завода Степанова. И если удалось избежать в этих эпизодах спектакля скучной назидательности, то лишь потому, что оба актера знали: мой герой не только глубоко уважает Степанова, но, кроме того, еще по-человечески любит его — энергичного, сильного руководителя-организатора. И то, что автор дал Карпенко еще одну «сложность» — неразделенную любовь к инженеру Мальцевой, — тоже помогло раскрытию роли. Если сложность не выдумана, если она подсказана самой жизнью, несет в себе богатство мыслей и чувств, — налицо прочный и надежный фундамент для создания цельного, духовно яркого образа нашего современника.

Вспомним первые образы коммунистов, созданные советскими артистами на сцене театра. Б. В. Щукин в роли Павла Суслова в спектакле Театра имени Вахтан-

гова «Виринея», Н. П. Хмелев в роли Пеклеянова в спектакле Художественного театра «Бронепоезд 14-69», В. В. Ванин в роли Братишки в спектакле Театра имени Моссовета «Шторм», П. М. Садовский в роли Романа Кошкина в спектакле Малого театра «Любовь Яровая» — какие это все были цельные фигуры и какая сложная жизненная борьба была в них сконцентрирована! Об этом же говорит и большой опыт советской кинематографии: Б. А. Бабочкин в роли Чапаева, Н. П. Охлопков в роли Василия, Б. П. Чирков в роли Максима, В. П. Марацкая в роли Александры Соколовой в фильме «Член правительства», Н. И. Боголюбов в роли Шехова в фильме «Великий гражданин» — это все образы, которые служили и служат примером для подражания поколениям советских юношей и девушек.

Опыт этих произведений, сочетающих волнующую увлекательность с идейной глубиной, должен быть взят нами снова на вооружение сегодня, когда мы задумываемся о создании новых образов коммунистов. И в первую очередь поучительные уроки из этого опыта должны извлекать наши драматурги. Ведь ни для кого не секрет, что в пьесах и сценариях последних лет стали все чаще появляться герои без характеров, так сказать, герои по должности, а не по своей жизненной активности. Надо вернуть нашей сцене и нашему кино возможность создавать образы людей действительно незаурядных, обладающих сильными, яркими и самобытными характерами, умеющих смело и энергично преодолевать препятствия, астающие на их пути к великой, общенародной цели.

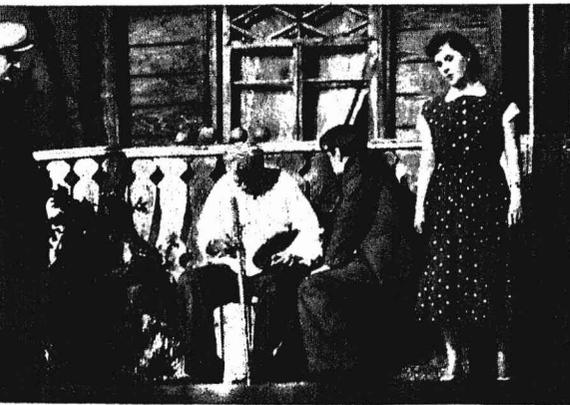
Такую возможность я, например, почувствовал в роли Матвея Журбина в пьесе В. Кочетова и С. Кара «Журбины». Дед Матвей —

старейшина семьи, так сказать, основатель рабочей династии. Потомственный пролетарий, матрос Балтийского флота, в 1917 году сражавшийся на улицах Петрограда за власть Советов, прошедший горнило гражданской войны, он с гордостью стал на заводе и станку, когда молодая Советская страна взялась за мирный труд. К моменту, когда начинается действие пьесы, Матвей Журбин достиг 78-летнего возраста.

Директор завода, жалея старика, которому уже трудно стало работать у станка, назначает его на должность ночного дежурного. Все, в том числе и сам Матвей, понимают, что это почетная отставка. И должность придумана специально, чтобы не пришлось деду Матвею на старости лет покинуть родной завод. Но тут происходит нечто непредвиденное: беспокойный, энергичный старик превращает выдуманную должность в действительно необходимую и, по сути дела, управляет всей ночной жизнью огромного предприятия. Его начинают называть «ночным директором», его давний авторитет еще больше укрепляется, и глубокая старость озаряется радостным светом активной, полезной обществу деятельности.

Очень интересно играть такую роль! Интересно потому, что здесь богатый характер одного из тех людей, которых Владимир Маяковский называл «Ильичем поведения в битве». Интересно потому, что суровая принципиальность Матвея Журбина, с которой он решает все сложные вопросы — и производственные и личные, — сталкивается с серьезными испытаниями, с глубокой, острой и понятной обидой передового бойца, вдруг отведенного «в обзор». В роли есть подлинная сложность живой жизни, поэтому она глубоко привлекательна для актера-исполнителя.

Сцена из спектакля «Директор» С. Алешина. Степанов (Л. Свердлов), Карпенко (А. Ханов). Постановка Московского театра драмы.

В пьесе А. Крона «Кандидат партии», поставленной Театром имени Вахтангова, сделана попытка создать образ руководителя большой заводской партийной организации. Роль секретаря парткома Плотвицкого исполняет М. Астангов (первый слева).

Фото М. Чернова.